

Петербург как внешнеторговый центр (первая четверть XVIII в.)

Проблема становления Петербурга как внешнеторгового центра еще не была предметом специального исследования, хотя в работах, посвященных его истории и торговли в нем¹, в обобщающих трудах по истории торговли России в целом², истории дипломатических отношений³ изучались различные ее аспекты. История Петербурга как морского порта рассматривалась прежде всего в плане переориентации главного внешнеторгового направления России с Севера на Балтику, однако без должной конкретизации, без выявления ее причин, а временем превращения Петербурга в главный торговый центр страны называли разные годы — от 1718-го до 1722-го. Предпринятая недавно попытка выявить причины регламентации торговли через Петербург и Архангельск⁴ оказалась, как увидим ниже, не совсем удачной.

Вопрос о переориентации торговли с Севера на Балтику исследовался в ряде работ⁵ и мной, но в них история становления и развития столичного порта играла второстепенную роль и поэтому нуждается в дополнительной аргументации и осмыслении.

При известном единстве двух сторон балтийского вопроса — военной и экономической — разрешение последней всегда зависело от хода военных действий и определялось ими, а выход России на Балтику создавал реальную возможность для ускоренного развития страны, одним из важнейших средств которого и являлась концентрация торговли с Западом в столичном порту.

Между тем решение данного вопроса, отчетливо отразившегося в истории Петербурга как внешнеторгового центра, было трудным и затяжным. Почему? Ответ на него и другие связанные с ним вопросы и предстоит дать в настоящей статье.

После 1 мая 1703 г., когда была взята расположенная в устье

Невы шведская крепость и порт Ниеншанц, решалось: «Тот ли шанец крепить или иное место удобнее поискать?». «Воинский совет» признал, что Ниеншанц «мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры»⁶, после чего начались поиски более удобного места для морского порта, завершившиеся 16 мая 1703 г. основанием Петербурга.

Вскоре после этого знаменательного события в «Ведомостях» появилось объявление: «Чтоб впредь все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо (в Петербурге. — Н.Р.) пристанище имели, также бы персидские и китайские товары туда же приходили»⁷.

Одновременно российские дипломаты в странах Европы получили от Петра I задание информировать иностранные дворы о желании русского царя начать с ними торговые отношения через новый порт⁸. Они пытались также заинтересовать в коммерческих связях с Петербургом западноевропейских купцов, обещая создать в нем льготные условия для торговли: снизить или даже отменить пошлины, ликвидировать откупную систему, снять запрет с продажи хлеба и т.п.⁹.

Вопрос о возможности установления связей с Западной Европой через Петербург обсуждался царем и с иностранными дипломатами в России, в частности с английским посланником Ч. Уитвортом в 1705 г., когда Петр I убеждал собеседника в том, что Русскому государству необходимо возратить территории, несправедливо отторгнутые Швецией у его предков, дабы организовать торговлю с европейскими странами — «отворить с этой стороны дверь»¹⁰. Результаты беседы Ч. Уитворт в донесении своему правительству сформулировал так: «Царю очень хочется видеть несколько судов в портах Балтийского моря во все продолжение войны»¹¹.

Однако беседа с дипломатами страны, являвшейся главным партнером в торговле России через Архангельск, как и информирование правительств европейских государств об открытии нового порта и обещание предоставить иностранным купцам льготы в нем, не принесли желаемых результатов: в Петербург заходили лишь единичные корабли.

В 1703 г. в устье Невы вошли 12 судов, но за лесом, заготовленным там еще во время «шведского владычества»¹². В том же году в Петербурге появился голландский корабль с вином и солью — возможно, для выяснения условий торговли в нем. Голландские моряки были торжественно встречены и щедро награждены, а

через них было передано обещание наградить команды еще двух кораблей, которые придут в Петербург следующими¹³. Это обещание не оригинально и соответствовало общераспространенной в то время практике поощрения торговли на новом месте; оно тоже не побудило иностранных купцов установить связи с Петербургом.

Известно только, что в устье Невы иностранные корабли приходили лишь в 1704 и 1710 гг.¹⁴, а причина их прихода, судя по письму Петра I 1712 г., сводилась к доставке «столовых припасов и других дворовых надобностей» из Голландии, «как и в прошлом 1710 году»¹⁵. Для этого, однако, требовалась предварительная договоренность с Швецией, чего, видимо, в 1712 г. достигнуто не было, и корабль в Петербурге не появился.

Причина того, что замыслы Петра I и деятельность российских дипломатов в европейских странах не принесли желаемых результатов, объясняется прежде всего тем, что Швеция в начале XVIII в. была еще сильна, а находившиеся в союзе с ней ведущие державы Европы не верили в военный успех России. Попытки царя привлечь Голландию и Англию в качестве посредников при заключении мира с Швецией, обещая пойти с ними на заключение торговых договоров¹⁶, не увенчались успехом.

И после Полтавской победы правительства Великобритании и Нидерландов не спешили нормализовать отношения с Россией, но купцы этих стран активно обсуждали вопрос об установлении торговли с российскими портами на Балтике, к чему их побуждали российские дипломаты и торговые агенты, однако иностранные купцы собирались отправлять корабли в Ригу и Ревель. «Только про Санкт-Петербургский (порт. — *Н.Р.*) ничего не слышно», — с горечью писал торговый агент России в Голландии Фанденбург в 1711 г.¹⁷ Генеральные штаты Нидерландов в 1712 г. обсуждали вопрос о сопровождении торговых судов военными, но опять-таки не в устье Невы, а в Ригу и Ревель¹⁸.

Причина ясна: торговля в Петербурге была делом новым, сопряженным с немалым риском (шведские корабли блокировали Финский залив) в стремлении купцов получить прибыль.

И все же в 1713 г. произошло невиданное ранее событие — в столичный порт пришли шесть английских кораблей, необычайно поразившие Петра, который писал А.Д. Меншикову: «Галют и гукур ко мне причалились, то есть к самым моим палатам, чего я отроду не видел, чтоб у двора моего такие суда были»¹⁹.

Британских купцов, однако, беспокоило отсутствие в Петер-

бурге российских товаров, и они опасались, «чтобы те корабли просты в море не пошли и убытку б нам не было»²⁰. Это и побудило Петра I издать 31 октября именным указом, предписывающий русским купцам отправлять пенку, юфть и казенные товары только через Петербург²¹, а спустя полмесяца в письме в Сенат царь дополнил его требованием к иностранным купцам направлять корабли за вышеуказанными товарами в дельту Невы, что и было зафиксировано в сенатском указе от 16 ноября 1713 г.²²

Н.И. Павленко причиной появления этих указов считает идею «суровой регламентации экономической деятельности подданных», которой руководствовался царь, и осуществление ее посредством насилия и принуждения, но предполагал, что изменение грузопотока из Архангельска в Петербург могло бы произойти «естественным, так сказать, путем, когда купцы сами, безболезненно для себя, отдали бы предпочтение столичному порту»²³.

Думается, фактор регламентации экономической жизни России, присущий и петровскому времени в целом, нельзя исключать и как средство переориентации торговли на Балтику, впрочем, так же, как нельзя признавать его в качестве единственного. Что же касается предположения Н.И. Павленко о возможности естественного перераспределения грузопотока между Архангельском и Петербургом, то с ним согласиться трудно, поскольку даже после того как последний стал главным внешнеторговым центром страны, правительство продолжало политику ограничения торговли в Архангельске еще на протяжении четырех десятилетий²⁴.

Появление английских кораблей в Петербурге и отсутствие товаров в нем стало поводом для разработки программы концентрации большей части экспорта в столичном порту, а регламентация торговли по главному внешнеторговому направлению, начало которой положили указы 1713 г., была вызвана объективными обстоятельствами.

Во-первых, для нормального функционирования любого морского порта необходима соответствующая инфраструктура: причалы, склады, место заключения сделок и торговли, налаженные транспортные пути и многое другое, чего в Петербурге до 1713 г. практически не было: торговые люди хранили свои товары «где похотят», за гостинный двор «почитались просто ряды» и т.п. Правда, для обеспечения функционирования в Петербурге военного порта и жизни горожан были приняты определенные меры²⁵, однако для организации торговли в широких масштабах этого было недостаточно. Поэтому вполне естественно, что лишь личное

указание монарха о привлечении товаров к Петербургу могло действительно повлиять на купцов.

Во-вторых, Петр I рассчитывал на заинтересованность морских держав в торговле на Балтике. Надежды эти оправдывались лишь частично: иностранцы установили связи, но не с Петербургом, а с Ригой и Ревелем.

В-третьих, учитывался и внешнеполитический фактор — изменения в отношениях России с Нидерландами и Великобританией. Голландское правительство, убедившись, что «враждебными действиями принудить его (Петра I. — *Н.Р.*) ни к чему нельзя», официально заявило об отказе участвовать в решении «северных дел» насильственным путем, но лишь «через негоциацию»²⁶. Англия же после Утрехтского мира 1713 г. попыталась оказать давление на Россию, принуждая ее к заключению мира с Швецией, но голландско-русское сближение и, возможно, угрозы российских властей конфисковать товары британских купцов в Архангельске²⁷ вынудили ее отказаться от этих намерений. Таким образом, сближение с Голландией и своеобразная нейтрализация Англии позволили России надеяться на установление торговых связей морских держав с Петербургом.

В-четвертых, одно из важнейших средств активизации торговли в Петербурге Петр I усматривал в превращении его в столичный город, который и стал таковым в 1713 г., когда к царскому двору присоединились «присутственные места»²⁸ — административные учреждения. Фактом придания Петербургу столичного статуса подчеркивалось его значение и как морского порта, с реальными перспективами для развития торговли.

Неизвестно, кому принадлежала идея перераспределения внешнеторгового грузопотока в пользу Петербурга, как и предложение о конкретной форме ее реализации. Поначалу намерения Петра I сводились к вывозу из устья Невы лишь такого количества товаров, какое привозилось в балтийские порты до Северной войны; этот замысел выражен в неясной фразе: «Что в сию войну прибыло, то только обратится к Петербургу»²⁹. К октябрю 1713 г. была выработана ясная и вполне объективная программа, реализация которой позволяла сразу же сделать Петербург главным внешнеторговым центром страны: стоимость товаров, вывоз которых намечался через столичный порт указом от 31 октября 1713 г., составляла свыше 70% экспортного товарооборота Архангельска 1710 г.³⁰, а сочетание «тяжелых» и «легких» товаров являлось оптимальным для загрузки иностранных кораблей.

Однако, мобилизовав внутренние возможности для переориентации товаров в Петербург, Петр I недоучел возможностей Швеции не допустить желаемого для России развития событий. Шведские военные корабли, выйдя из Финского залива, блокировали его с моря, а сторожевые суда еще в 1712 г. получили приказ, «чтоб никаких галанских, аглинских или протчих народов кораблей в Ригу и протчие московские города не пропускать взад и вперед»³¹. На деле, однако, торговые корабли приходили и в Ригу, и в Ревель, а правительства морских держав не были настроены идти на конфликт с Швецией ради российских интересов — установления связей с Петербургом.

Правительство России, неудовлетворенное отношением ведущих европейских держав к торговле в устье Невы, решило переломить ситуацию и 16 января 1714 г. подтвердило указ от 31 октября предыдущего года (правда, из числа «указных» были на сей раз исключены казенные товары), увязав перераспределение экспортных товаров между столичным и северным портами с распространенной в Архангельске практикой заключения контрактов на поставку предметов экспорта: «Русским купеческим людям, которые торговали с иноземцы и задатки взяли», предписывалось «отпустить в Санкт-Петербург на продажу за море (пеньку и юфть. — *Н.Р.*) во всем против того, кто сколько посылали к Городу, без умаления нынешним зимним путем, а достальные товары по изволению»³².

По этому поводу российские и иностранные купцы написали челобитные («доношения»), суть которых раскрыта в «Высочайшей резолюции»³³. Русские заявляли, что «войдут в несносные убытки от великих долгов» по заключенным с иностранцами контрактам, если не смогут продать свои товары в Петербурге, а платить долги, считали они, «кроме вырученных из тех товаров (денег. — *Н.Р.*) всеконечно нечем», отчего «войдут в конечную нищету» и не смогут заплатить «положенные на нас подати». Иностранцы же особое внимание обратили на невозможность расплатиться за заключенные ими коммерческие сделки с «заморскими корреспондентами», если торговля в столичном порту не войдет в нормальное русло.

Новым в этом документе явилось также то, что русские и иностранные купцы высказали конкретные предложения по регламентации торговли на главном внешнеторговом направлении России. Русские торговые люди отметили, что товары, которые будут привезены в Петербург, из-за низкого спроса на них «от военного

случая» могут залежаться, испортиться, и предлагали юфть и пеньку, которые «еще на дороге к городу Архангельскому, везти туда», а иноземцы предложили изменить суть самой регламентации: «Дабы впредь всех товаров в Санкт-Петербург и к городу Архангельскому отпускать по частям, как Ваше величество определит».

«Высочайшая резолюция» предписывала пеньку, которая находилась в Твери и южнее ее, везти в Архангельск, а юфть — одну четверть в Петербург, и три четверти в Архангельск. Так впервые вводился квотный вариант перераспределения товаров между двумя портами, а в 1715 г. он был перенесен с главных предметов экспорта на все вывозимые из Петербурга и Архангельска товары уже в стоимостном выражении: «для сей войны» устанавливались равные их доли для обоих портов — «всех товаров половина сюда, а другая — к Городу» (Архангельску. — *Н.Р.*).

Однако указом от 12 декабря 1716 г. на 1717-й год эта квота снижалась для Петербурга до 1/6 части стоимости экспортных товаров³⁴, затем вновь была увеличена указом 1717 г. (на 1718 год) до 2/3³⁵ (что было подтверждено и в 1718 г.³⁶), а в 1719 г. это соотношение вновь было снижено для Петербурга до одной трети³⁷, причиной чего явилось изменение на Балтике обстановки, влиявшей на мореплавание.

В 1715 г. Швеция активизировала действия своего сторожевого флота, который захватывал шедшие в российские порты торговые суда, а морские державы, обеспечивая безопасность судоходства, отправили военные корабли для сопровождения торговых судов, направлявшихся в российские порты на Балтике³⁸, чему в определенной мере способствовал и молодой российский флот, который «брал и разорял» «шведские капоры»³⁹ (шведских каперов). Объединенные силы морских держав и России обеспечили относительную свободу судоходства на Балтийском море, в том числе и к Петербургу, о чем свидетельствует скопление необычно большого числа товаров в столичном порту в 1715 г.⁴⁰ Следует, однако, подчеркнуть, что Архангельск еще по-прежнему сохранял статус главного внешнеторгового центра России: туда в 1715 г. пришло рекордное число иностранных кораблей (230), и тогда же была зафиксирована наибольшая сумма таможенных сборов — 286,6 тыс. руб.⁴¹ Однако с осени 1716 г., когда резко ухудшились англо-русские отношения⁴², квота для Петербурга снизилась до минимальной отметки. В 1717 г. в связи с началом подготовки к переговорам о мире между Россией и Швецией нор-

мализовались и англо-русские отношения, что повлияло на увеличение доли экспорта для столичного порта до 2/3, но лишь на короткое время, так как после срыва этих переговоров Англия активизировала деятельность по созданию антироссийской коалиции, в 1719 г. разорвала дипломатические отношения с Россией и ввела в Балтийское море военную эскадру для оказания помощи Швеции. Указ 1719 г. был последним распоряжением правительства по нормированию экспорта для Петербурга и Архангельска, поскольку в изменении квот вывозных товаров между этими портами, на мой взгляд, уже не было необходимости из-за стабильно антирусской направленности британской политики.

Состояние торговли в двух портах в 1716–1719 гг. выглядит так: если к Петербургу в 1716 г. пришли 33 иностранных корабля, в 1717 г. — 51, в 1718 — 54, в 1719 — 33⁴³, то в Архангельск, соответственно, — 208, 146, 116 и 119⁴⁴. Более точное представление о торговле дает стоимостный товарооборот: среднегодовой оборот Архангельска, составлявший 2941,8 тыс.руб. в 1717–1719 гг., почти в семь раз превосходил размер петербургского 1718 г. — 422 тыс.руб.⁴⁵ Следует отметить еще две специфичные для столичного порта черты торговли: особое значение в его товарообороте имели импортные товары, доля которых в 1718 г. составляла около 45% (188,9 из 422 тыс. руб.), в то время как в Архангельске всего около 20% — 576,6 из 2941,8 тыс. руб.; это объясняется ввозом в Петербург «дорогих вещей и товаров для двора его императорского величества и знатных персон для уборов домовых...»⁴⁶, а также затовариванием экспортной продукцией: в 1719 г. здесь «за отпуском в остатке» было свыше 70% экспортных товаров, привезенных в 1717–1718 гг.⁴⁷

По окончании Северной войны Петр I дал указание Сенату разработать конкретные меры по концентрации экспортных товаров в Петербурге при соблюдении обязательного условия: «Чтоб большая часть российских товаров вывозились из Санкт-Петербурга, а к прочим портам определить некоторую часть из тех мест, которые по удобности пути и по близости к тем портам подлежат»⁴⁸.

Вызванные в Коммерц-коллегию вице-президент Главного магистрата И.И. Исаев, инспектор Петербургской портовой таможни С.И. Панкратьев, бывшие торговые агенты казны братья Д.А. и О.А. Соловьевы, опытный коммерсант И. Стрежнев предложили, «чтоб всего государства из всех губерний и провинций пеньку, сало, поташ, смольчуг, икру, юфть, железо привозить в Санкт-Петербург». Направление иных товаров оставалось «на рассмотре-

ние другим, высоким рассуждениям». Определить же «для привоза товаров особливые города и провинции», предметы экспорта из которых могли быть ориентированы на конкретные порты, они не смогли, «понеже и к тем портам товары надлежат из тех мест, из которых в Санкт-Петербург»⁴⁹.

Коммерц-коллегия высказалась против регламентации направления вывоза экспортных товаров, признавая, что принуждение никогда не может служить средством развития торговли, и предложила установить дифференцированную пошлину для Петербурга и Архангельска в пользу первого, а убытки восполнить за счет других доходов.

И в Сенате, по сообщению секретаря прусского посольства в Петербурге И.Г. Фоккеродта, преобладало негативное отношение к крутым мерам по концентрации торговли в дельте Невы, которое выразил генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, заметив, что «такими переменами (царь. — Н.Р.) разорит все купечество и возьмет себе на шею вечные, никогда не осущаемые слезы»⁵⁰. Петр I, будучи в Сенате 26 ноября 1721 г. и ознакомившись с этими предложениями, отверг рекомендации представителей купечества, оставил без внимания мнение Коммерц-коллегии, остался глух к оппозиционным выступлениям в Сенате. В тот же день именным указом, основные положения которого изложены в сенатском распоряжении «О трактах к портовым городам» от 2 декабря 1721 г., внутренние районы Европейской части России распределялись между четырьмя портами. В Архангельск должны были поступать товары лишь из тех провинций, которые «прилегли к водяному ходу Двины без переволок землею». В Ригу шли предметы экспорта из западных районов страны и Малороссии, а подвоз товаров в Нарву ограничивался собственно нарвским районом и Псковом «с дистриктом». Из остальных территорий страны все экспортные товары направлялись в Петербург⁵¹.

Указ «О трактах к портовым городам» и стал тем документом, который определил превращение Петербурга в главный внешне-торговый центр России с 1722 г., когда к нему пришло 119 кораблей, а к Архангельску — 60⁵².

Однако этого оказалось недостаточно для закрепления торговли в новой столице, и вскоре, в 1724 г., был принят еще целый комплекс мер по ограничению торговли в Архангельске. Круг купцов, впредь имевших право торговать в северном порту, ограничивался лишь жителями поморских пунктов⁵³, а с февраля 1724 г. устанавливалась дифференцированная пошлина с вывозимых за

границу товаров: производимые в Поморье облагались обычной 5-процентной внутренней пошлиной, а к остальным добавлялась «четвертая доля против Петербурга»⁵⁴; вводился запрет на вывоз импортных товаров за пределы Поморья, отрезавший Север от основных районов страны; была на четверть повышена пошлина на ввозимые из-за границы товары⁵⁵, установлен усиленный контроль за всем, что везли в Поморье, «особливо к городу Архангельскому»⁵⁶, чему «активно способствовали доносчики-обличители»⁵⁷.

Но особую роль в осуществлении контроля за выполнением указов по ограничению торговли в Архангельске сыграл капитан лейб-гвардии Преображенского полка С. Пырский, направленный царем в северный порт в июне 1724 г. «для разведывания у Города по отпуску за море заповедных товаров»⁵⁸. С. Пырский «арестовал» запрещенные к вывозу предметы экспорта у русских и иностранных купцов, привлек к «розыску» купцов, администрацию портовой таможни и губернской канцелярии и даже самого вице-губернатора П.Е. Лодыженского. Глава «розыскной комиссии» использовал предоставленную ему свободу действий, «беря за караул» и пытая нарушителей указов. За время следствия возникли 75 «вершенных» и 14 «невершенных» дел. Широко практиковались конфискация товаров, денег, «пожитков», взыскание штрафов, пополнивших государственную казну, по моим подсчетам, почти на 200 тыс. руб.⁵⁹

В результате вышеуказанных мер, по меткому замечанию С.Ф. Огородникова, «торговая кипучая деятельность Архангелогородской биржи сменилась необычной тишиною»⁶⁰. И если в 1722 г. в Архангельск пришло 60 иностранных судов, то в 1724 г. — всего 22, в 1725-м — 19, а в Петербург, соответственно, 119, 240 и 236⁶¹. Его товарооборот в 1725 г. в 22 с лишним раза превзошел объем архангельской торговли — 3430,9 и 153,7 тыс. руб.⁶² Судьба северного порта была решена, а приоритет в связях с Западом окончательно закрепился за Петербургом.

Подводя итоги изучению истории становления Петербурга как внешне-торгового центра, можно выделить три ее стадии: начало первой ознаменовал сам факт основания Петербурга в 1703 г., а разграничительными вехами второй и третьей были 1713 и 1722 гг.

Первые десять лет в Петербург приходили лишь единичные суда — свидетельство того, что страстное желание Петра I превратить его в жизнедеятельный порт тогда не было осуществлено, и первую стадию можно охарактеризовать как время нереализо-

ванных замыслов и напрасных ожиданий. Решение этого вопроса в ту пору зависело не от царя, оно определялось Швецией и морскими державами, которые не были склонны к установлению контактов с Россией через Петербург.

Приход в устье Невы шести английских кораблей в 1713 г. положил начало регулярной торговле в столичном порту. И эту стадию — до 1721 г. включительно — следует квалифицировать как время не вполне реализованных замыслов русского правительства, несмотря на использование крутых мер по переориентации торговли на Петербург. Величина установленной для него квоты экспортных товаров в разные годы колебалась, причиной чего являлась сложная обстановка на Балтийском море, выражавшаяся поначалу в захвате торговых кораблей, шедших в Петербург, шведскими каперами, а затем — в антирусской направленности политики Великобритании.

Лишь с окончанием Северной войны декабрьский (1721 г.) указ «О трактах к портовым городам», «прикрепив» большую часть внутренних районов России к Петербургу, содействовал превращению его в главный внешнеторговый центр страны. Закрепление юной столицы в этом статусе в петровское время было осуществлено целым комплексом жестких дискриминационных мер, окончательно дезорганизовавших архангельскую торговлю.

¹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции... М., 1792. Т. IV; Немиров Г.А. Опыт истории Санкт-Петербургской биржи в связи с историей Санкт-Петербурга как торгового порта. СПб., 1888–1896. Вып. 1–13; Любименко И.И. Торговля в Петербурге // Петербург петровского времени: Очерки. Л., 1948; Очерки истории Ленинграда. Т. I: Период феодализма (1703–1861). Л., 1955; Мавродин В.В. Основание Петербурга. Л., 1978.

² Кулишер И.М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пг., 1923; Очерки истории СССР: Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I. М., 1954.

³ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; Некрасов Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964; Фейгина С.А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

⁴ См.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 538–539.

⁵ Репин Н.Н. 1) Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989. С. 15–19; 2) Смена главного внешне-торгового направления России и торговля через Архангельск в XVIII в. Омск, 1984. Деп. в ИНИОН РАН. № 16730 от 16.05.84, и др.

⁶ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1. С. 76.

⁷ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1: 1703–1707. С. 73–74.

⁸ Любименко И.И. Торговля в Петербурге. С. 77; Кулишер И.М. История русской торговли... С. 184.

⁹ Доклады и приговоры Правительствующего Сената в царствование Петра Великого. Т. IV Кн. 1. № 238; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 738. Л. 20–20 об.

¹⁰ Сб. РИО. 1884. Т. 39. С. 86.

¹¹ Там же. С. 92–93.

¹² Немиров Г.А. Опыт истории... Вып. 4. С. 7–12.

¹³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... М., 1788. Ч. IV. С. 152.

¹⁴ Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого... М., 1795. Т. XVII. С. 90–94.

¹⁵ Голиков И.И. Деяния... Ч. IV. С. 152.

¹⁶ См.: Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1. С. 3; Никифоров Л.А. Русско-английские отношения... С. 43–46, 54; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. С. 158; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Т. IV. С. 193.

¹⁷ РГВМФ. Ф. 233 (Дела графа Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 15. Л. 90–90 об., 122.

¹⁸ Там же. Д. 43. Л. 150.

¹⁹ Голиков И.И. Дополнение... Т. X. С. 95.

²⁰ Там же.

²¹ ПСЗ. Т. V. № 2732.

²² Там же. № 2737.

²³ Павленко Н.И. Петр Великий. С. 538–539.

²⁴ См.: Репин Н.Н. От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли через Архангельск в 20-е–60-е гг. XVIII в. // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 228–249.

²⁵ Подробнее о становлении Петербурга и обеспечении его потребностей на начальном этапе его истории см.: Очерки истории Ленинграда. Т. 1. С. 28–84; Мавродин В.В. Основание Петербурга. С. 76–151; Шапиро А.Л. О роли Петербурга в развитии всероссийского рынка в XVIII — первой половине XIX в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 386–396; Яцунский В.К. Роль Петербурга в промышленном развитии дореволюционной России // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 95–103.

²⁶ Соловьев С.М. История России... Кн. IX. С. 25.

²⁷ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения... С. 107–108.

²⁸ Головин Н. Петербург в петровское время: Исторический очерк. СПб.; М., 1903. С. 13.

²⁹ Голиков И.И. Дополнение... Т. X. С. 111.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10 (Архангелогородская губернская канцелярия). Оп. 3. Д. 145. Подсчеты мои.

³¹ РГВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 43. Л. 174.

- ³² ПСЗ. Т. V. № 2737.
- ³³ Там же. № 2784.
- ³⁴ Там же. № 3051.
- ³⁵ Там же. № 3115.
- ³⁶ Там же. № 3229.
- ³⁷ Там же. № 3268. Указ от 7 января 1719 г.
- ³⁸ *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения... С. 120.
- ³⁹ Собрание писем Петра Великого к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1829. Ч. 1. С. 315–316; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 23. Л. 282 об.; Д. 53. Л. 272.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 25. Л. 432–433.
- ⁴¹ *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 209–210.
- ⁴² *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения... С. 180 и сл.; *Соловьев С.М.* История России... Кн. IX. С. 76.
- ⁴³ *Кулишер И.М.* История русской торговли... С. 186.
- ⁴⁴ *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска... С. 209–210.
- ⁴⁵ *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII века по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 3. С. 23.
- ⁴⁶ Государственный архив Архангельской обл. Ф. 58 (Архангельская портовая таможня). Оп. 1. Д. 6. Л. 199 об.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 276 (Коммерц-коллегия). Оп. 1. Д. 1655. Л. 3–5 об., 12.
- ⁴⁸ *Чулков М.Д.* Историческое описание... Т. IV. Кн. 1. С. 378.
- ⁴⁹ Там же. Кн. 2. С. 378–380.
- ⁵⁰ *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом. М., 1874. С. 71.
- ⁵¹ ПСЗ. Т. VII. Кн. 2. С. 378–380.
- ⁵² *Любименко И.И.* Торговля в Петербурге. С. 83; *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска... С. 209–210.
- ⁵³ ПСЗ. Т. VII. № 4416, 4466.
- ⁵⁴ Там же. № 4466.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1503. Л. 1, 4–4 об.; ПСЗ. Т. VII. № 4475.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3860.
- ⁵⁷ Там же. Т. VII. № 4416.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Д. 61. Л. 3.
- ⁵⁹ Там же. Л. 3–5; Ф. 9. Отд. 1. Д. 1. Л. 103; Отд. 2. Д. 72. Л. 1146–1148, 1154–1162.
- ⁶⁰ *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска... С. 147.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 72. Л. 36; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 14; Д. 243. Л. 69–167а об.
- ⁶² РГАДА. Ф. 397 (Комиссия о коммерции и о пошлинах). Оп. 1. Д. 619. Л. 30–34; Архангельские губернские ведомости. 1847. № 47.